

*Красавченко Т.Н.**

**ОТ МИРАЖА К ТРАГЕДИИ. БРИТАНСКАЯ ЛЕНИНИАНА:
ОТ БЕРТРАНА РАССЕЛА И УЭЛЛСА, П. ТРЭВЕРС,
У.Х. ОДЕНА ДО Р. КОНКВЕСТА, Р. СЕРВИСА,
С. СЕБАГА-МОНТЕФИОРЕ, К. МЕРРИДЕЙЛ...**

Аннотация. В интердисциплинарной статье исследуется литературная, журналистская и историографическая традиция восприятия в Великобритании личности В.И. Ленина – с 1920-х годов по настоящее время. Основная траектория этой традиции – движение от мифа, импрессионизма, иллюзий у Бертрана Рассела, Герберта Уэллса, Г. Джонса, поэтов У.Х. Одена, Хью Макдиармида к откровениям Памелы Трэверс, М. Маггериджа и далее – к современным историкам и писателям – Роберту Конквесту, Роберту Сервису, Орландо Файджесу, Хелен Раппапорт, Саймону Себагу-Монтефиоре, Кэтрин Мерридейл, которые, основываясь на архивных документах, исследуют амбивалентный феномен личности Ленина: его рационализм, холодность, безжалостность, цинизм, сосредоточенность на теории, отсутствие интереса к живой жизни, жажду власти и склонность к репрессиям. Британские ученые убедительно показывают, что этот незаурядный политик отрицательно повлиял на ход истории, причинил

* *Красавченко Татьяна Николаевна* – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва, Россия, e-mail: tatianakras@mail.ru

Krasavchenko Tatyana Nikolaevna – DSn in Philology, leading scientific employee of the Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: tatianakras@mail.ru

невероятное зло России, которую, как не без оснований они утверждают, он не любил. Его, как и всех диктаторов, ожидал трагический финал: порожденная им революция «поглотила» его – будучи больным, он был изолирован «своим преемником» Сталиным в подмосковной усадьбе Горки, а затем вопреки его воле, его не предали земле на Волковском кладбище, рядом с матерью, а обрекли на «вечное бессмертие», как вампира, и подвергают его останки мукам «регулярного мумифицирования».

Ключевые слова: британская лениниана; миф; демифологизация; культурно-цивилизационный подход.

Поступила: 03.01.2022

Принята к печати: 14.02.2022

Krasavchenko T.N.

From mirage to tragedy. British Leniniana: from Bertran Russell and H. Wells, P. Travers, W.H. Auden to R. Conquest, R. Service, S. Sebag-Montefiore, C. Merridale...

Abstract. The subject of this interdisciplinary article is a literary, journalistic and historiographic tradition of Lenin's perception in Great Britain since early 1920-s up to our time. The main trajectory of this tradition is seen as a movement from myth, impressions, illusions of B. Russell, H. Wells, Gareth Jones, poets W.H. Auden and Hugh MacDiarmid to the revelations of Pamela Travers, Malcolm Muggeridge and later – to contemporary historians and writers Robert Conquest, Robert Service, Orlando Figes, Helen Rappaport, Simon Sebag Montefiore, Catherine Merridale, who base their works on archival research and explore the ambivalent phenomenon of Lenin's personality: his rationalism, coldness, ruthlessness, cynicism, focus on theory, lack of interest in life, power hunger and propensity to repressions. British scholars convincingly show that this outstanding politician negatively influenced the course of history, he did incredible harm to Russia, which, in their opinion, he didn't like. And he ended tragically like the majority of dictators: the revolution he spawned consumed him – being ill, he was isolated by his "successor" Stalin in a country house Gorky near Moscow. And then, against his will, he was not interred in Volkovo cemetery, next to his mother, but was doomed, like a

vampire, to “eternal immortality” and the remains of his body are still tortured by regular mummification.

Keywords: British Lenin studies; myth; cultural-civilizational approach.

Received: 03.01.2022

Accepted: 14.02.2022

В октябре 1917 г. Ленина мало знали в Британии, хотя известие о захвате власти рабочими вызвало восторг у лейбористов и левых разных оттенков. Философ Бертран Рассел в 1918 г. откровенно восхищался большевиками [Russell, 1959, p. 75]. Постепенно о Ленине и созданном им государстве стала складываться легенда, чему немало способствовали британцы, приезжавшие в Советскую Россию.

На журналиста Артура Рэнсома (1884–1967), впоследствии известного детского писателя, с ноября 1915 г. представлявшего в России радикальную британскую газету *Daily News*, а затем левую «Манчестер Гардиан» (и заодно агента британской разведки МИ-5), Октябрьский переворот произвел глубокое впечатление, он познакомился с Лениным, К. Радеком, Троцким и, вернувшись в Англию, в очерке «Ленин в 1919» назвал его одним из величайших людей своего времени, «первым вождем», чуждым честолюбию, марксистом, верившим в народное движение, «счастливым человеком» [Ransome, 1919, p. 167–190].

Почти месяц – с 19 мая по 17 июня 1920 г. – в составе лейбористской делегации провел в Советской России Б. Рассел. В книге «Практика и теория большевизма» (1920) он описал Ленина довольно противоречиво: «доброжелателен, держится с видимой простотой, без малейшего намека на высокомерие. <...> Мне никогда не приходилось встречать выдающуюся личность, столь лишенную чувства собственной значимости», но далее Рассел замечает: «У меня сложилось впечатление, что он презирает очень многих людей и в интеллектуальном отношении является аристократом» [Рассел, 1991, с. 19–20]. Затем звучит нота триллера: «Он много смеется, поначалу его смех кажется дружелюбным и веселым, но постепенно мне стало как-то не по себе» [там же]. «Ленин спокоен, властен, <...> он олицетворение теории. Чувствуется, что материалистическое понимание истории во-

шло в его плоть и кровь» [Рассел, 1991, с. 19–20], он не сомневается в необходимости мировой революции и уничтожении капитализма» и «произвел на меня впечатление крайне самоуверенного, негибаемого ортодокса. Его сила коренится, я думаю, в его честности, мужестве и непоколебимой вере – религиозной вере в евангелие от Маркса. <...> Он мало любит свободу. <...> Возможно, любовь к свободе несовместима с искренней верой в существование панацеи от всех человеческих бед. <...> Я приехал в Россию коммунистом, но общение с теми, у кого нет сомнений, тысячекратно усилило мои собственные сомнения – не в самом коммунизме, но в разумности столь безрассудной приверженности символу веры, что ради него люди готовы множить без конца невзгоды, страдания и нищету» [Рассел, 1991, с. 22–23]. Общее впечатление Рассела: большевизм не просто политическая доктрина, он еще и религия со своими догматами и священным писанием.

Писатель Герберт Уэллс, утопист, проповедник идеи «всемирного государства с плановой системой», которое должно было привести к обществу свободы и благоденствия, осенью 1920 г. провел в Советской России 15 дней, в основном в Петрограде, где жил у своего друга М. Горького; тот помог ему встретиться с Лениным в Москве – в Кремле 6 октября 1920 г. Ленин, как описал Уэллс эту встречу сначала в еженедельнике «Санди Экспресс», затем в книжке «Россия во мгле» (1921), «совсем не похож на догматика», у него «приятное, очень подвижное, смугловатое лицо, живая улыбка <...>, он говорил быстро, вникая в самую суть дела, безо всякой позы, рисовки или недомолвок, как умеют говорить лишь подлинные ученые [Уэллс, 1970, с. 100–101], «по его <...> сочинениям нельзя судить о его личности. Короткие, резкие брошюры и статьи <...>, в которых нередко высказываются ошибочные представления о психологии западных рабочих и упорно отстаивается нелепый тезис, что в России произошла та самая предсказанная Марксом социалистическая революция, не отражают <...> и крупницы его интеллекта. <...> они лишь повторяют готовые формулировки ортодоксального марксизма. <...> Левый коммунизм – это хребет нынешней России; к сожалению, хребет этот лишен гибкости» [Уэллс, 1970, с. 95–96]. Обсуждение Уэллсом и Лениным будущего больших городов при коммунизме производит на современного читателя впечатление разговора безумных авангардистов.

«Города станут гораздо меньше, – согласился Ленин. – Они изменятся. Да, очень изменятся». Я заметил, что это потребует огромной работы. Придется снести прежние города и построить новые, на другом месте. Церкви и величественные дворцы Петрограда уподобятся историческим памятникам Новгорода Великого или храмам Пестума. Значительная часть современного города перестанет существовать. Ленин охотно согласился со мной. <...> Предстоит коренная перестройка всей России, полное ее обновление» [Уэллс, 1970, с. 103]. Общеизвестно, что Ленин поразил Уэллса грандиозным планом электрификации страны, «населенной безграмотными крестьянами», но он почти заставил Уэллса, который назвал его «кремлевским мечтателем», поверить в свое предвиденье [Уэллс, 1970, с. 105]. В этой беседе просматривается, какую судьбу Ленин готовит русскому крестьянству, что, однако, не вызывает у урбаниста Уэллса никакого сочувствия. Ленин сказал ему, что правительство «взяло в свои руки большие земельные владения там, где условия этому благоприятствуют, и землю обрабатывают не крестьяне, а рабочие. Сначала такой порядок установится в одной губернии, потом в другой. Крестьяне остальных губерний, эгоистичные и неграмотные, ничего не узнают, пока не наступит их черед», и Уэллс комментирует: «Справиться сразу со всей массой крестьянства, пожалуй, нелегко; но порознь это можно сделать безо всякого труда <...> я понял, что коммунизм <...> таит в себе огромные созидательные возможности» [Уэллс, 1970, с. 105–107].

Несмотря на свои восторги Уэллс правдиво описал разруху в городах и отчужденность советской власти от народа. «Помню, – пишет он, – в 1914 г. доступ в Кремль был совершенно свободный, совсем как в Виндзорский замок. <...> Теперь же туда нелегко попасть. Еще у ворот начались хлопоты из-за разрешений и пропусков. Прежде чем попасть в кабинет Ленина, нам пришлось пройти, словно через фильтры, через пять или шесть комнат, где охрана и сотрудники проверяли наши документы. Быть может, этого требует безопасность Ленина, но тем самым он оказался в отрыве от России и, что особенно важно для осуществления действительной диктатуры, Россия – в отрыве от него. Если к нему все просачивается как бы через фильтры, то и все, исходящее от него, должно просачиваться через те же фильтры и может при этом претерпеть серьезные искажения» [Уэллс, 1970, с. 99–

100]. Уэллс пишет о своем коренном отличии от Ленина: он – сторонник длительного процесса реформирования капиталистической системы в мировую систему коллективизма; Ленин – сторонник революции, ибо считает капитализм неисправимым [Уэллс, 1970, с. 108], что не помешало Уэллсу считать Ленина великим человеком.

Книгу Уэллса прокомментировал один из главных британских врагов большевизма Уинстон Черчилль – в выступлении 4 ноября 1920 г. на обеде в лондонском клубе *United Wards*. Он заметил, что писатель достоверно представил крах цивилизации в России: города умирают, промышленность и торговля замерли, однако он винит в этом войну и империализм, хотя повинны в этом большевики – секта фанатиков – меньшинство, терроризирующее большинство и способное своими разрушительными теориями погубить не только Россию, но и любую страну. Но это не произойдет в Британии, ибо «у нас живая, активная политическая жизнь, общественное мнение, свободная Конституция» [Churchill, 1920].

К 1930 г. в СССР сложился своего рода благостный культ Ленина. Журналист Гарет Джонс, помощник по иностранным делам влиятельного британского политика, бывшего премьер-министра Великобритании (1916–1922) Дэвида Ллойд Джорджа, побывал в СССР в августе 1930 г., благодаря свободному знанию русского напрямую общался с жителями и обратил внимание, что многие заявляли: «Если бы Ленин был жив, все было бы хорошо»; Джонсу даже рассказали анекдот, предупредив, что за него могут обвинить в контрреволюции, – к Сталину во сне приходит Ленин и говорит: «Здравствуй, Сталин. Как Россия?» Сталин отвечает: «У нас все прекрасно. Достижения Пятилетнего плана чудесны». Ленин спрашивает: «А что будешь делать после выполнения Пятилетнего плана?». Сталин отвечает: «У нас будет второй Пятилетний план». И Ленин замечает: «К этому времени в России все вымрут, присоединятся ко мне, и ты будешь один выполнять свой второй Пятилетний план» [Jones, 1930]. Г. Джонс привел еще один шепотом рассказанный ему анекдот – о ссоре Сталина и Крупской, не выносивших друг друга; Сталин рассердился на нее и закричал: «Послушай, старуха, если будешь плохо себя вести, я назначу другую вдову Ленина». Г. Джонс заметил, что повсюду слышал в России восклицание: «Если бы Ленин был жив! <...> Ленин вызвал

любовь крестьян в 1921 г. <...> нэпом, восстановившим свободную торговлю и избавившим деревню от социализма. В городах миллионы обожают Ленина и хранят его портреты, как прежде хранили иконы [Jones, 1932].

Осенью 1932 г. в СССР в составе обычной интуристовской группы побывала Памела Трэверс, в недалеком будущем автор знаменитых книг о Мэри Поппинс. В 1910–1920-е годы – в период «русского бума» – британцы «сходили с ума» по сезонам Дягилева и русской литературе, в 1920–1930-е на них, как и на весь мир, магнетическое воздействие оказывал «великий советский эксперимент» – многовековая мечта о воплощении утопии в жизнь. Все это сказалось на образе России, сложившемся у Трэверс еще до поездки, к нему добавились и стереотипные представления о загадочной, манящей, «варварской» и «опасной» стране. Свои впечатления Трэверс описала в книге «Московская экскурсия» (1934).

В ее книге один из персонажей, как и Б. Рассел, называет происходящее в стране «новой религией», в основе которой повсюду внушаемое поклонение Ленину. На советском пароходе, плывущем из-за границы в Ленинград, его «изваяние красуется в красном углу в столовой для экипажа <...>. В трогательном окружении белых бессмертников Ленин» – бронзовое божество со злобещей улыбкой, «поблескивающее в свете раскачивающихся ламп» [Трэверс, 2017, с. 30]; все книги в судовом книжном магазине посвящены одной теме: «Я прочла уже три жизнеописания Ленина, два тома его речей, избранные статьи Сталина и совсем сникла, будто долго-долго слушала игру на тамтамах» [Трэверс, 2017, с. 32]. В Ленинграде британцев прежде всего привели в Смольный, где они осмотрели полуспальню-полугостиную, в которой жили Ленин с женой. На Трэверс комната произвела «странное впечатление. То ли из-за царившей там пустоты, то ли из-за двух узких одиноких кроватей, а возможно – из-за серого света, который, пробиваясь сквозь поникшие ветви берез, проникал через большое окно. Странно, что эмоций от вас ждут там, где все чувства намеренно подавлены рационализмом. В этой комнате царил пустота – и причиной ее было не только отсутствие хозяев. Может, и когда Ленин жил здесь, комнате все же чего-то недоставало – тепла, солнца? <...> Человек мысли – таким предстает Ленин на портретах и

фотографиях. Единственная человеческая черта, которую можно на них различить, – это самодовольство, на фоне столь же нечеловеческой мощи оно воспринимается с облегчением. Во всяком случае оно убеждает нас – хотя бы отчасти, – что Ленин был человеком, а не просто мозгом на двух ногах. Но стылость этого места, его обнаженный рационализм! Просто не верится, что именно здесь вырвалась на волю новая мировая сила! А если и верится, то лишь с ужасом. Неужели человечество стремится вот к этому? Зачем тогда вообще нужно человечество, если его цель – обезчеловечивание?» [Трэверс, 2017, с. 54–55]. И писательница приходит к выводу: «Советы озабочены не столько атеизмом, сколько тем, как бы, свергнув одного Бога, превознести другого – Человека – и утвердить идеальный Рай здесь и сейчас, Небеса на земле, Ленин как икона и хор ангелов Коммунистической партии. Нет народа более исконно религиозного, чем русские, – просто ныне они обратили свою веру в новом направлении» [там же, с. 58].

В период между войнами образованный класс и даже буржуазная элита симпатизировали Советской России. С благоговением говорил о Ленине медиамагнат, «легендарный миллионер» лорд Бивербрук [Gerhardie, 1990, p. 250]. И, разумеется, Ленин стал символическим воплощением борьбы за справедливость для тех, кто чувствовал себя в Великобритании обделенными, маргиналами – для рабочих, для представителей национальных меньшинств. Он был грандиозной мифологической фигурой для шотландского поэта Хью Макдиармида (1892–1978), националиста и коммуниста, одного из крупнейших деятелей Шотландского возрождения, ныне признанного классиком шотландской литературы. Макдиармид опубликовал «Первый гимн Ленину и другие стихи» (1931) и «Второй гимн Ленину» (1932). Свой коммунизм он называл «чисто платоническим», считал, что революция и поэзия совместимы, а в Ленине видел трансформацию «русской идеи» Достоевского и вновь явленную ипостась Христа. Для Макдиармида смысл социалистической революции заключался не столько в установлении социального равенства и всеобщего благосостояния, сколько в устранении материального гнета, подавляющего человека и открывающего ему путь к совершенствованию, к появлению национального гения. Гимны Ленину (среди них и «Третий гимн Ленину», 1957; рус. пер. 1980) с их напряженной мыслью, свежими сквозными мета-

форами и раскованными интонациями отличались от политических на злобу дня стихотворений Макдиармида.

Ленин и события в СССР произвели впечатление на молодую университетскую молодежь, в частности на «Оксфордских поэтов» – С. Дэй-Льюиса, С. Спендера, Л. Макниса (с оговорками) и др. – группу выпускников университета, объединившихся в 1930-е годы вокруг У.Х. Одена. «Оксфордцы» в своей критике современной западной цивилизации следовали за модернистами 1920-х, принимая их ключевые метафоры – «бесплодная земля», «закат Европы», но отвергали их пессимизм, элитарность, индивидуализм. «Левая» направленность «оксфордцев» наиболее очевидна в антологии «Новая страна» (издательство «Хогарт пресс», 1933). Ее составитель – математик Уильям Эдвард Робертс (W.E. Roberts), во время учебы в Оксфорде поменявший свое имя на Михаил в честь Ломоносова, видел свою задачу в том, чтобы «проложить дорогу английскому» Ленину, в антологию вошли «Письмо к молодому революционеру» С. Дэй-Льюиса и статья «Поэзия и революция» С. Спендера.

В архивах Британского института киносценарист, историк кино Дэвид Коллард (Collard D.) обнаружил неопубликованные поэтические переводы анонимных советских песен, восхвалявших Ленина и его наследника Сталина. Кинорежиссер Айвор Монтегю (Montegu I.), с 1931 г. член компартии Великобритании, попросил У.Х. Одена сделать поэтический перевод этих песен для лондонской премьеры в октябре 1935 г. агитационного документального фильма «Три песни о Ленине» (производство Межрабпром, СССР, 1934), снятого с использованием в идеологических целях техники монтажа Дзигой Вертовым к 10-летию смерти вождя – о том, как советский народ любит Ленина. Строки в песне «Ни один отец не сделал для своих детей / То, что Ленин сделал для нас» (No father for his children did / What Lenin did for us) звучат, по мнению Колларда, как религиозный панегирик [Flood, 2009].

По мнению исследователей, Оден прославлял Ленина, видя в нем не политический, а личный образец – правдоискателя типа Кафки и Пруста; Россия не была, с точки зрения Одена, подходящим местом для воплощения социалистической утопии, ее феодальное общество не могло органично усвоить уроки европейской цивилизации; но Оден

ценил критику Марксом и Лениным идеологии среднего класса [Mendelson, 2017].

В 1933 г. появилась апологетическая биография Ленина Ральфа Фокса (1900–1936), историка, литературоведа, публициста, выпускника Оксфордского университета, члена компартии Великобритании (с 1920), в 1929–1932 гг. работавшего в Институте марксизма-ленинизма в Москве. Он погиб в интербригаде в Испании.

Последовательное, получившее общественный резонанс изучение истории СССР в Великобритании и США, т.е. в «англосфере», было ознаменовано работами известного британского поэта и историка Роберта Конквеста (1917–2015), в их числе политическая биография В.И. Ленина (1972) и, вероятно, самая известная его книга «Большой террор: сталинские чистки 30-х» (1968; перераб. изд. 1973; рус. пер. 1989–1990), опубликованная почти за пять лет до первого тома «Архипелага ГУЛага» (1973). В ту пору архивы в СССР были недоступны; но Конквест в своих книгах использовал доступные открытые источники, официальные протоколы московских процессов, материалы советских переписей населения, рассказы и книги эмигрантов, переребечиков, «фабрику слухов». Он оспорил близкое многим «левым» на Западе мнение Хрущева: Сталин и репрессии противоречили ленинским нормам. Для Конквеста сталинизм – закономерное продолжение ленинской системы. Любитель сатирико-юмористической поэзии, он выразил свою позицию в лимерике (пятистишии абсурдистского содержания):

Был великий марксист Ленин,
Он угробил два или три миллиона людей.
Много угробил.
Но там, где он угробил миллион,
Великий марксист Сталин угробил десять [Robert Conquest quotes].

Вскоре после выхода критических биографий Ленина в Великобритании и США известный британский драматург Роберт Болт (1924–1995), когда-то в 1942–1947 гг. на волне британско-советского союзничества состоявший в британской компартии, написал пьесу «Государство революции» (A State of Revolution, 1977), название которой перекликается с известной работой Ленина «Государство и ре-

волюция» (1917). Историю революции в России Болт представил как трагедию, причина которой – вожди, подчиняющие все интересам борьбы за власть. Выступление Луначарского (ок. 1930 г.) перед молодежью с воспоминаниями о Ленине и революции, обрамляющее действие, вносит в пьесу ноту драматической иронии.

Ленин стал персонажем пьесы «Травести, или Комедия с переодеваниями в двух действиях (Travesties, 1974; рус. пер. 2000) известного британского драматурга чешского происхождения Тома Стоппарда (р. 1937), основанной на историческом факте: в Цюрихе в период Первой мировой войны находились одновременно модернист Джеймс Джойс, глава дадаистов, «помесь Маринетти с Андре Бретоном» Тристан Тцара и В.И. Ленин, т.е. три революционера XX в.: два – в искусстве, один – в политике. Их воображаемая встреча в пьесе воспроизводится порой в ясных, порой в сбивчивых воспоминаниях второстепенного персонажа (сотрудника британского консульства Карра). Ленин и Крупская (в 1917 г. ему 47 лет, ей – 48) представлены в пьесе достоверно: почти все, что они говорят, взято из текстов собрания сочинений Ленина и «Воспоминаний о Ленине» Н. Крупской, приводимых в научных монографиях в основном американских историков: «Ленин» (1971) Майкла С. Моргана, «Жизнь и смерть Ленина» (1964) Роберта Пейна, «Ленин и большевики» (1969) Адама Б. Улама, «К Финляндскому вокзалу» (1940) Эдмунда Уилсона. Карр вспоминает в старости, что в присутствии Ленина «невозможно было не ощутить величия этой личности – излучавшей демонизм, магнетизм, но вряд ли <...> астигматизм, ибо ничто во взгляде его пронизательных карих глаз не указывало на то, что он страдал этим расстройством зрения» [Стоппард, Травести, с. 3]. Внезапное введение автором неуместного термина «астигматизм» не только вносит абсурдно-смеховой элемент в рассуждение Карра, но и невольно заставляет подумать, а не был ли действительно присущ Ленину своеобразный «астигматизм» – нарушение восприятия подлинной картины мира, имевшее роковые последствия. Ленин, по Карру, удивительно «простой в общении человек и в то же время – интеллектуал и теоретик», в его рукопожатии Карр ощутил «напор, в напоре вся сила», меня «часто спрашивают: “Каким он был, этот Ленин?”» <...> У тех из нас, кто знал Ленина, величие этого человека не вызывало сомнений... Но честно

говоря, никто не мог бы подумать, что мышь, собравшаяся в угловой комнате по адресу Шпигельгассе, четырнадцать, родит гору...”» [Стоппард, Травести, с. 13]. Карр, судя по всему, неплохо знаком с марксистской теорией, ибо замечает, что в «любом случае диалектика истории привела бы к тому же результату с Лениным *или без него*», и не испытывает иллюзий по поводу революции, свойственных Тцара: «Случись революция, вы не будете знать, что делать и куда бежать. Вы – ничто. Меньше чем ничто – художник. Эти парни сделают реальностью ваши мечты о многоцветном мочеиспускании: вы будете мочиться кровью» [там же, с. 16]. И в конце концов трезво замечает: «За исключением политических взглядов, Ленин был совершенно нормален» [там же, с. 17]. Но едва ли это высказывание могло бы послужить эпиграфом для последовавших британских исследований биографии Ленина, создающих неожиданный и необычный его образ.

В советское время российские архивы были закрыты: государство скрывало, каким был Ленин в жизни. Лишь при М.С. Горбачеве были опубликованы воспоминания родных Ленина, его коллег по партии большевиков, документы революционного периода. Партийные архивы, доступ к личной переписке и воспоминаниям родственников Ленина открылись для ученых в 1991 г. Среди них был профессор Оксфордского университета Роберт Сервис, в 2000 г. в лондонском издательстве Macmillan издавший одну из первых биографий Ленина, основанных на документах.

Р. Сервис уделил значительное внимание этническим корням семьи Ульяновых. Он полагает, что дед Владимира с отцовской стороны – Николай Ульянов – был не русского, а чувашского или мордовского происхождения. Его жену – астраханскую бабушку Владимира (по разным источникам – Александру или Анну), называли калмычкой, иногда – киргизкой [Сервис, 2002, с. 35–36]. Сестра Владимира Мария считала, что среди ее астраханских предков были «татары». То есть отец Ленина не был русского происхождения [там же, с. 36]. Тем не менее Николай и Александра воспитывали своих детей в православной вере, и учились они в русских школах. Их сын Илья в 1854 г. окончил физико-математический факультет Казанского университета и стал преподавать. Он был православным, его жена – Мария Бланк – лютеранкой (хотя и не набожной). Как вспоминала сестра

Ленина, Анна Ильинична, она узнала о еврейском происхождении своего деда, доктора Бланка, в 1897 г. [Сервис, 2002, с. 41]. По мнению историка, русские националисты, связывающие созданную Лениным идеологию с его «нерусским» происхождением, забывают, что идеология не биологическое явление: она формируется и воспроизводится через язык, систему образования, социальные и экономические отношения. Ульяновы думали и говорили по-русски, поступали как русские. Ленин ценил одаренность евреев, к концу жизни гордился, что среди его предков был еврей, но считал себя прежде всего русским [там же, с. 41–42]. Его родители, Илья и Мария Ульяновы, были «особыми русскими», полностью ассимилированными в русскую среду, хотя у Марии сохранились следы немецкой культуры из родительской семьи. Но среди русских волжан Ульяновы чувствовали себя словно эмигрантами в первом поколении и проявляли невероятное честолюбие и стремление к успеху [там же, с. 42–43]. Семья Ульяновых обрела материальную стабильность недавно, тогда как семья Бланк всегда была обеспеченной, но различие в социальном и этническом происхождении не имело для Ильи и Марии значения; важным было стремление к знаниям: Мария выучилась на школьную учительницу, но не стала работать в школе [там же, с. 36]. Илья с 1869 г. был инспектором, а с 1874 г. – директором народных школ Симбирской губернии [там же, с. 38–39], он сделал много для народного просвещения, занял видное положение среди жителей Симбирска и был «удостоен чина статского советника и титула потомственного дворянина» [там же, с. 40]. Ульяновы были лояльны Александру II, поддерживали его политику реформ после отмены крепостного права в 1861 г., верили в прогресс, просвещение, порядок, порядочность. Это была культурная, патриотическая семья. Им хотелось создать в своей стране просвещенное, европейское общество западного типа. Жила семья преуспевающе: имела повара, кухарку, няню, работников, убиравших дом, снег, коловших дрова [там же, с. 40].

В 1883 г. старший сын Ульяновых – Александр – стал студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. 10 января 1886 г. в возрасте 53-х лет внезапно умер Илья Николаевич Ульянов, но семья не обеднела: Мария Александровна получила пенсию за выслугу лет покойного мужа

(100 руб. в месяц) и еще по 25 руб. на несовершеннолетних детей, а чтобы пополнить бюджет, сдала полдома внаем [Сервис, 2002, с. 66]. Но вскоре случилась еще беда: арестовали Александра, ставшего членом нелегальной террористической организации Петра Шевырева и Ореста Говорухина; хорошо знавший химию, он готовил взрывчатку для покушения на Александра III 1 марта 1887 г. [там же, с. 70–71]. Мать не верила, что сын – царевич, и умоляла императора освободить его. Ей разрешили повидать сына в Петропавловской крепости; он просил мать простить его, но прошение о помиловании не написал. Император знал, что Ульянов взял на себя вину своих товарищей, но оставил смертный приговор в силе. На рассвете 8 мая 1887 г. Александра и др. повесили в Шлиссельбургской тюрьме. Как от прокаженных Симбирск отвернулся от семьи Ульяновых [там же, с. 73–74], и ее дети возненавидели династию Романовых, а также средний и высший классы российского общества – аристократию, помещиков, купцов [там же, с. 76]. Но политического давления на Симбирскую классическую гимназию не было, и в 1887 г. Владимир окончил ее с золотой медалью, а директор Федор Керенский выдал ему блестящую характеристику.

Мария Александровна продала дом в Симбирске, и семья переехала сначала в Кокушкино – большой дом покойного Бланка, находившийся в совместном владении его дочерей [там же, с. 77–78], а после поступления Владимира на юридический факультет Казанского университета перебралась в Казань. Денежных трудностей не было благодаря государственной пенсии за отца, оставленному им капиталу в банке, денег от продажи дома в Симбирске, доли доходов от имения в Кокушкино, денежного капитала, доставшегося дочерям от доктора Бланка, и наследства после смерти в 1878 г. старшего брата Ильи Николаевича – Василия. Кроме того, в 1889 г. Мария Александровна купила хутор в деревне Алакаевка Самарской губернии.

На первом же курсе в Казанском университете Владимир принял участие в студенческих волнениях; 4 декабря 1887 г. его исключили из университета и 7 декабря он отправился в свою первую «ссылку» в Кокушкино [Сервис, 2002, с. 85–86], но в сентябре 1888 г. ему разрешили вернуться в Казань. Там он стал членом нелегального марксистского кружка Н.Е. Федосеева [Сервис, 2002, с. 87].

В мае 1889 г. семья переехала в Алакаевку, где, как надеялась Мария Александровна, Володя займется хозяйством, что позволит ему разобраться в российской экономике – тут бы и познакомиться с алакаевскими крестьянами, но уже тогда – 19 лет от роду он был убежден: крестьянство не может быть основой революции; его интересовала не жизнь людей в России, а только революционная деятельность и связанные с ней книги [там же, с. 91–94].

5 сентября 1889 г. семья переехала в Самару, и Владимир быстро нашел кружок революционеров, жаждавших изменить мир, но даже не пытавшихся познакомиться с рабочими и крестьянами, их интересовала исключительно теория, ответы на вопросы они искали в книгах. К тому времени Ульянов уже пришел к выводу, что будущее России – за промышленностью, урбанизацией, моральные вопросы тут неуместны, и отрицал возможность совершения революции без классовой борьбы [там же, с. 94–95]. Но как революционера-марксиста его ничуть не смущало то, что управляющий Крушвиц собирал для него и его дворянской семьи, жившей в Самаре, арендную плату с крестьян-арендаторов. Видимо, Владимиру улучшение своего материального положения за счет прибыли от сдачи имения в аренду сельскому пролетариату казалось вполне нормальным в стране с капиталистической экономикой [там же, с. 98].

В 1891 г. он, сдав экстерном экзамены, получил диплом юриста первой степени Императорского Санкт-Петербургского университета, стал время от времени подрабатывать помощником присяжного поверенного и посещать марксистский кружок [там же, с. 102].

В 1891–1892 гг. в России начался голод, вызванный неблагоприятными погодными условиями и устаревшей технологией земледелия. Ульянов, единственный среди революционеров Самары, утверждал, что голод – «прогрессивный фактор», он – результат капиталистической индустриализации, а обнищание крестьян в процессе индустриализации неизбежно. От участия в помощи голодающим он отказался, хотя был не только свидетелем, но и участником трагедии. Семья получала доходы с аренды алакаевских земель, и, невзирая на обстоятельства, согласно договоренности он требовал от управляющего полных и регулярных выплат [Сервис, 2002, с. 103–104], не испытывая никакой жалости к крестьянам.

Сам он, зарабатывая лишь периодически и мало, жил за счет семьи, зная, что мать не потребует, чтобы он обеспечивал себя [там же, с. 106]. Своей работой он считал изучение экономических реалий и политических возможностей развития России. В 1893 г., переехав в Петербург, он снял там комнату, и в письме спрашивал мать, выслала ли его тетя (ее сестра) причитавшуюся Ульяновым долю прибыли от аренды Кокушкина, выплачивает ли Крушвиц арендную плату регулярно: в процессе подготовки революции он хотел жить с комфортом и жил, как рантье [там же, с. 109, 114].

Некоторые историки (в том числе советские и зарубежные – Н. Хардинг и др.) полагают, что Ленин был «ортодоксальным» марксистом, но, по мнению Р. Сервиса, «марксизм вообще не сформировал учения, которое можно было бы с определенностью назвать “ортодоксальным”» [там же, с. 161–162]. Наследие Маркса не истолковывается однозначно. Ленин был одним из последователей Маркса, боровшихся за право называться аутентичным интерпретатором его учения. Приспосабливая марксизм к особым условиям Российской империи, Ленин использовал идеи и методы российского народничества, в частности труды П. Ткачева, верившего в совместимость конспиративных организаций, массового террора с марксизмом [там же, с. 160]. Ленину импонировала «политика «массового террора» Ткачева, способствующая нарастанию революционной ситуации в стране. Восхищался он и сторонником радикальных мер – Сергеем Нечаевым [там же, с. 116]. Ответ на вопрос, почему Владимир с таким энтузиазмом воспринял идеи террора и насилия, Р. Сервис находит в судьбе Александра Ульянова. Император не пощадил его брата, и Владимир, несмотря на неопровержимую причастность его к покушению на жизнь царя, возненавидел «дом Романовых» [там же, с. 198]. Со временем Ленин находил новые элементы революционной стратегии, но всегда пользовался традиционной марксистской терминологией [там же, с. 112]. По мнению Р. Сервиса, Ленин был теоретик, далекий от реальности и, пока не пришел к власти, считал Россию страной намного более развитой экономически и социально, чем на самом деле [там же, 2002, с. 262]. Он был уверен, что только его толкование марксизма истинно, хотя за годы политической карьеры и теория, и его практическая политика не раз менялись. Он верил, что «мировая история на

его стороне – или, скорее, он на стороне Истории» [Сервис, 2002, с. 270], неколебимо верил в преимущества урбанистической цивилизации, в неизбежное крушение капитализма, классовую борьбу, неотвратимость европейской социалистической революции и необходимость диктатуры [там же, с. 274].

Долгие годы, как считает Р. Сервис, в Ленине было слишком много от конспиратора-фракционера, и слишком мало от национального лидера [там же, с. 245–246]. В середине 1914 г. главную опасность для себя он «видел не столько в войне, сколько в том, что европейские левые объединятся на платформе борьбы за мир <...> а он вряд ли смог бы возглавить это движение: заслуженный Карл Каутский или, скажем, бельгиец Эмиль Вандервельде имели гораздо больше шансов занять это место. Когда война вступила во второе свое лето, антивоенное движение стало пополняться новыми сторонниками почти из всех социалистических партий. Чтобы предотвратить успех этого движения, представлявшийся Ленину катастрофой, он должен был вбить еще более надежный клин между проповедниками мира и своими сторонниками. На каждой встрече социалистов он не упускал случая подчеркнуть глубину разногласий (он хотел свержения власти и гражданской войны)» [Мерридейл, 2021, с. 100]. По сути, он действовал по принципу: разделяй и властвуй! В швейцарской деревушке Циммервальд (5–8 сентября 1915 г.) он добился того, что стал на международной арене вождем европейского движения радикальных социалистов (циммервальдских левых). Количество левых радикалов росло, и перед Лениным забрезжила надежда на победу. В 1903 г. он рассек партию российских социалистов на большевиков – меньшевиков, теперь он собирался то же проделать со швейцарской партией [там же, с. 102–103]. Ленин настаивал на отличиях большевиков от остальных группировок русской эмиграции, тогда как в России его сторонники шли на сближение с меньшевиками и другими социалистами, считая врагами не социалистов иного толка, а капиталистов-работодателей, полицию, царя. Идея общеевропейской гражданской войны, которую проповедовал Ленин, ужаснула бы их, если бы они вникли в нее более подробно [там же, с. 109–110]. В октябре 1913 г. в Питере был создан межрайонный комитет («межрайонцы») для объединения всех социалистов. Ленин был в ярости, но он был далеко.

Межрайонный комитет, обладавший «эффективной типографией», продолжал агитацию в рабочих районах [Мерридейл, 2021, с. 110]. Ленин всегда был далек от реальной российской жизни – войны, голода, обнищания народа. Только в 1917 г., по возвращении из эмиграции, бросившись в водоворот российской политической жизни он стал политиком высочайшего уровня [Сервис, 2002, с. 246].

В начале 1917 г. Ленин был в эмиграции в Цюрихе, что выразительно описал в своей пьесе Т. Стоппард. Как и многие социалисты, Ленин ожидал, что революция начнется где-то в Западной Европе, но она началась в России – в феврале; в начале марта царь отрекся от престола. «Лидер самой боевой революционной партии России», Ленин рвался домой, но оказался в ловушке. Ни Британия, ни Франция не собирались помогать ему как противнику войны [Мерридейл, 2021, с. 14], и у него был лишь один маршрут: на поезде через Германию, затем паромом в Швецию, дальше – до пограничного городка Хапаранда, оттуда – в Финляндию – в Торнио и – в Петроград. Идею транзитной германской визы Ленин сначала отверг – это влекло за собой обвинение в измене: «с 1914 г. солдаты Германии убили на Восточном фронте тысячи и тысячи русских» [там же]. Через агентов немцы предлагали Ленину оплатить его поездку, но он, как и другие эмигранты, боясь скомпрометировать себя перед соотечественниками, отказался [Мерридейл, 2021, с. 160–161]. Французская газета *Le Petit Parisien* опубликовала статью с заявлением министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова: всякий русский эмигрант, вернувшийся в Россию с помощью немцев, будет немедленно арестован на границе. Поколебавшись, Ленин поступил как настоящий макиавеллист: он выбрал предложенный ему германским командованием безопасный проезд через Германию, к тому же оно согласилось на его требование «считать его вагон экстерриториальным объектом, полностью изолированным от Германии», что могло в будущем отвести от большевиков обвинение в госизмене. Германские власти сразу оценили потенциал Ленина в организации поражения России. Было решено помочь ему и «германским золотом» [там же, с. 15].

Некоторые из британцев и французов, прознавших о замысле с поездом, «считали, что его нужно любой ценой остановить – например, где-нибудь в безлюдных шведских лесах. Однако <...> никто не

решился взять на себя ответственность и нажать курок» [Мерридейл, 2021, с. 15].

Конечно, союзники не желали появления Ленина в России. Однако у британских спецслужб было смутное представление о нем (в одной из служебных записок он назван через запятую с другими «иностранными мошенниками», хотя досье Ленина, составленное во время его довоенных визитов в Лондон, намекало на его «опасные таланты» [Rapport, 2009, p. 61].

К. Мерридейл приводит историю о роковом русско-британском «провале», позволившем Ленину приехать в Россию. Дело в том, что британский контрразведчик в Петрограде, майор Стивен Элли, в начале апреля передал полковнику Борису Никитину, главе контрразведки, организованной при Временном правительстве, список из 30 изменников во главе с Лениным, которые «через пять дней» должны были пересечь границу России. Никитин позвонил в Министерство иностранных дел – П.Н. Милюкова в городе не было, а замминистра (или управляющий министерством) Анатолий Нератов *отказался* подписать приказ об аресте. Тогда Элли связался со своим подчиненным в Торнио – Гарольдом Грунером. Тот сделал все возможное: тщательно обыскал Ленина, допросил его, перерыл его книги и бумаги, но около шести вечера вынужден был пропустить его. Он был всего лишь младшим офицером – иностранцем, а никаких полномочий «русская сторона» ему так и не предоставила. Всю жизнь он помнил, что «впустил Ленина в Россию» [Мерридейл, 2021, с. 232]. «Будь он японцем, – заметил писатель Уильям Джерхарди, – он бы совершил харакири» [Gerhardie, 1990, p. 130]. По словам У. Черчилля, германское командование «переправило Ленина в plombированном вагоне из Швейцарии в Россию, как чумную бациллу» [Great destiny ..., 1965, p. 388–389].

Что было бы, если б Ленин не приехал? К его приезду «у большевиков была солидная база сторонников», но в их руководстве ни по одному вопросу не было единства [Мерридейл, 2021, с. 206]. С февраля 1917 г. все социалисты расценивали события как движение к демократии и либеральным реформам. Темп их по историческим стандартам Европы казался ускоренным. Большевицкие лидеры Петрограда разделяли эту точку зрения (хотя немало членов партии

были с ними не согласны) и уже начали действовать скорее как легальная оппозиция, чем революционная сила. И тут услышали от Ленина, что их действия ошибочны – надо брать власть. Многим это показалось не просто плохим марксизмом, а приглашением к политическому самоубийству. После 4/17 апреля 1917 г. Ленин отстаивал свои идеи на заседаниях Русского бюро большевистского ЦК и Петербургского комитета большевиков, но его предложения были отвергнуты комитетом тринадцатью голосами против двух [Мерридейл, 2021, с. 252]. Но его это не остановило.

В апреле 1917 г. он разработал стратегию захвата государственной власти, изложенную в «Апрельских тезисах». 24 апреля 1917 г. на Всероссийской конференции большевиков в бывшем особняке Кшесинской Ленин потребовал установления социалистической диктатуры, способной дать землю крестьянам, хлеб и работу рабочим, национальное самоопределение нерусским народам, всем – мир. Его выступление произвело впечатление. Так, он выиграл битву за партию [Сервис, 2002, с. 306–307]. Теперь надо было завоевать простых граждан. По мнению Сервиса, он не был «блестящим оратором», но его коренастая фигура производила впечатление страстности, силы воли и, как никто иной, он умел излагать суть своей политики, заставляя людей поверить, что способен взять власть [там же, с. 310]. За два последующих месяца Ленин силой убеждения сумел объединить партию и привлечь новых сторонников. Он победил потому, что говорил то, что хотели слышать голодные рабочие и терявшие терпение солдаты, не понимавшие, зачем воевать дальше [Мерридейл, 2021, с. 257–258]. В октябре он настоял на захвате власти. По мнению британского историка Орландо Файджеса, мало какие исторические факты были так искаженно интерпретированы впоследствии, как события 25 октября 1917 г. Распространенное представление о большевистском восстании как героической борьбе масс обязано не истории, а пропагандистскому фильму «Октябрь» (1927) Сергея Эйзенштейна. Великая Октябрьская социалистическая революция была небольшим, маломасштабным переворотом, не замеченным большинством жителей Петрограда. Когда большевики захватили власть, театры, рестораны и трамваи работали, как обычно. Легендарный «штурм» Зимнего дворца, где остатки кабинета министров Керенского оказались в Малахитовом зале, напо-

минал домашний арест: большинство охранников ушли до начала штурма; сработал ленинский план – «упреждающий переворот» [Figes, 2014, p. 102–103].

В марте 1918 г., подписав сепаратный мирный договор в Брест-Литовске, Ленин предотвратил германское вторжение в Россию; в 1921 г. ввел нэп и не допустил народного восстания, что привело бы к крушению советского государства [Сервис, 2002, с. 22].

Но все, что обещал Ленин народу, как показывает Р. Сервис, оказалось ложью. Рабочий класс не стал управлять страной, ибо после октября 1917 г. государство превратилось в однопартийную диктатуру, силой подавлявшую забастовки и политические протесты рабочих [там же, с. 333]; Ленин отдал 150 миллионов человек «в лапы безжалостной политической элиты» [Мерридейл, 2021, с. 296]; он не собирался передавать землю крестьянам, его цель была национализация земли в стране [там же, с. 254]. В книге «Государство и революция» (1917) он разработал кампанию против гражданских свобод. Словам «свобода» и «демократия» он придавал уничижительный оттенок, смеялся над идеей парламентаризма и разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Социалистическое общество, по Ленину, – не место для многопартийности и культурного плюрализма; главное – диктатура пролетариата и классовая борьба, и в связи с этим гражданская война – не несчастье для народа, а естественный и желательный этап на пути продвижения к социализму [Сервис, 2002, с. 338–339, 355]. В его работах звучали темы террора, насилия и неуместности милосердия [там же, с. 400–401]. Ленин исповедовал прагматичный критерий полезности для революции любого действия: цель оправдывала средства. После 1917 г. в переписке он восторженно отзывался о Макиавелли [там же, с. 232].

В этом контексте Р. Сервису не кажется неожиданностью, что первый подписанный Лениным 27 октября 1917 г. документ нового правительства был «Декрет о печати», введший цензуру: любой печатный орган, призывавший к сопротивлению Совнаркому, подлежал закрытию, как и «органы прессы, сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов» [Сервис, 2002, с. 360]. Принуждение возобладало над убеждением: Ленин рассылал инструкции, санкционировал акты террора, 7 декабря была создана ВЧК, по рекомендации

Ленина ее возглавил Дзержинский, которому предоставили огромную власть и независимость даже от Совнаркома в борьбе против «контрреволюции и саботажа». Этот шаг стал роковым: Ленин не верил в силу законности, он создал политическую полицию с неограниченными возможностями [там же, с. 364–365].

По словам Р. Сервиса, теоретически власть была нужна Ленину не сама по себе, а для высшей цели (построения коммунизма), но на деле он наслаждался ею, стремился удержать власть над партией и партию у власти и не собирался ее никому передавать, о демократии и речи не было [там же, с. 374–375].

Р. Сервису представляется удивительным «абсолютное равнодушие Ленина к человеческим страданиям». Едва ли он не сознавал, что Первая мировая война – «самая разрушительная за всю недавнюю историю Европы. По дороге в Швейцарию он видел много раненых, переполнявших краковские госпитали, но, обходясь без ненужных сентиментальностей, не упоминал о них в своих работах. Говоря “война”, “борьба” и “конфликт”, как это ни поразительно, Ленин гораздо чаще имел в виду межфракционные внутрипартийные стычки, чем трагедию мирового масштаба. Даже в такой ситуации он оставался одержимым внутрипартийной борьбой. В <...> свое время его не тронул голод в Поволжье в 1891–1892 гг.; мало взволновало количество убитых и раненых в Русско-японской войне 1904–1905 годов. <...> теперь он оставался непроницаемым для потока сообщений о гибели людей на фронте и в тылу. За годы войны он стал еще бесчувственнее, чем раньше. Никаких “сентиментальностей” в политических суждениях! – таков был его девиз» [там же, с. 261]. На секретных заседаниях Политбюро и ЦК Ленин доказывал, что знает лучше других, как защитить революцию. Ранним утром 18 июля 1918 г. произошло одно из самых страшных убийств времен революции – расстреляли бывшего императора и членов его семьи – жену, четырех дочерей, маленького сына, нескольких слуг [там же, с. 411–412]. Ленин настоял на подавлении Красной армией кронштадтского мятежа в 1921 г., на физическом уничтожении зачинщиков и расселении остальных кронштадтских матросов в карательной колонии на Ухте на Крайнем Севере России. Он одобрил перевод комиссара В. Антонова-Овсеенко и красного командира М. Тухачевского в Тамбов с заданием выкорчевать в

месячный срок дух восстания 1920–1921 гг., а при необходимости применить отравляющий газ, сбросив химические бомбы с аэропланов [Сервис, 2002, с. 492–493]. Он санкционировал наказание всем, кто выступал против красных в Азербайджане, Армении и Грузии. Он дал ЧК «полную свободу действий в подавлении любых забастовок в промышленности» [там же, с. 492–493]. По мнению Р. Сервиса, «ни один другой большевик не мог бы толкнуть на это всю партию. Без Ленина не было бы Октябрьской революции 1917 г. Без Ленина Российская Компартия не протянула бы дольше конца 1921 г.» [там же]. Но террор продолжался и при нэпе. ЧК заменили ГПУ. Для социалистов-революционеров, меньшевиков и иерархов православной церкви Ленин требовал показательных судов с суровыми наказаниями [там же, 2002, с. 502]. Политбюро пошло ему навстречу – санкционировало смертную казнь для представителей православного духовенства. Просматривая списки жертв, он делал пометки, только ужесточая наказание [там же, с. 503]. Ленин наслаждался террором и не имел ни малейшего понятия, как можно от него отказаться. В записках, письмах и телеграммах он еще более безжалостен, чем в книгах. Значительная часть его корреспонденции была настолько циничной, что Сталин запретил ее публикацию [там же, с. 562].

Как относился Ленин к России? В своей революционной политике он придерживался принципа этнической иерархии. Для него немцы в культурном отношении были выше британцев и французов, а те в свою очередь – выше финнов, а уж до финнов, конечно, русским было далеко. Россия постоянно раздражала его как наименее пригодное для революции место [там же, с. 440].

Его внешняя скромность бывала очаровательной, но под ней таилось высокомерие человека, уверовавшего в свое «природное право быть верховным вождем» [там же, с. 512]. Вслед за М. Горьким, Р. Сервис полагает, что поступками Ленина двигало тщеславие [там же, с. 221].

Британские историки уделяют внимание одному из самых непроясненных эпизодов в истории большевизма – финансированию партии. Ленин бывал не слишком щепетилен в том, что касалось партийных денег. Р. Сервис приводит историю о том, как Ленин велел своим двум сторонникам – В.К. Таратуте и А.М. Андриканису вскры-

жить голову сестрам, унаследовавшим в 1907 г. состояние своего дяди Н.П. Шмита, племянника московского, промышленника Саввы Морозова, и жениться на них, тогда их приданое достанется их мужьям, а от них – партийной казне. Этически план был сомнительным, но Ленин считал: что во благо революции, то и хорошо. План удался – Таратута перечислил значительную сумму денег в партийную казну (а вот Андриканис деньги придержал) [Сервис, 2002, с. 218–219]. Так же Ленин относился и к вооруженным грабежам банков для пополнения партийной казны. После «тифлисской экспроприации» Камо (Симон Тер-Петросян) передал Ленину в 1907 г. приблизительно 1,7 млн фунтов (3,4 млн долл.) в современном пересчете [Себаг-Монтефиоре, 2014, с. 234]. Будучи организатором теневой деятельности своих товарищей, Ленин защищал их от критики, как мог; главное – следовать политической линии большевистской фракции, остальное было для него неважным. Противники большевиков были в ужасе от такой моральной неразборчивости, но Ленин поднимал их на смех.

Существуют серьезные косвенные доказательства о тайном немецком финансировании большевиков, с помощью которого Ленин надеялся развязать «европейскую социалистическую революцию» [Сервис, 2002, с. 284]. Тут возникает вопрос о роли в этом процессе «таинственного посредника» Александра Гельфанда-Парвуса. В его мюнхенской квартире любой новый русский эмигрант мог адаптироваться к миру европейской политики. Почти все эмигранты рано или поздно оказывались в доме Парвуса, среди них и «Ленин, побывавший здесь впервые в 1899 г.» [Мерридейл, 2021, с. 71–72]. Прирожденный бизнесмен, Парвус знал толк и в издании газет: восемь выпусков подпольной революционной газеты «Искра» были изготовлены в особой, запиравшейся комнате его квартиры; редколлегия газеты собиралась у него до начала 1902 г. [там же, с. 73]. «Вопрос о том, как именно Гельфанд заработал свое состояние, – по замечанию его биографов, – навсегда останется в области предположений» [Zeman, Scharlau, 1965, р. 98–99]. Частично его богатства – это средства, украденные у товарищей по революционной деятельности (в частности, за переводы произведений русских писателей в Германии, особенно «На дне» Горького), потом Парвус обеднел, но к 1913 г. стал настоящим магнатом [Мерридейл, 2021, с. 74]. Многие (Керенский, Б. Никитин и др.)

были уверены, что Ленину, вернувшемуся в Россию с разрешения и желания немецкого правительства, оно оказывало мощную финансовую поддержку. Но ее уровень был неясен и не было ни одного доказательства [там же, с. 269–270]. Перехваченные Никитиным телеграммы свидетельствовали о контактах между большевиками, германским министерством иностранных дел и неким коммерческим банком в Швеции [там же, с. 276]. Керенский инициировал расследование. За несколько месяцев следственная группа собрала более 20 томов свидетельств и улик [там же, с. 283]. В августе 1917 г. генерал-прокурор и министр юстиции России заявил, что удовлетворен материалами следствия, а международное агентство новостей *Reuters* обнародовало их. Руководителей большевиков, включая Ленина и Зиновьева, признали виновными; британские газеты написали, что Ленин был немецким агентом и вернулся в Россию, чтобы действовать там в германских интересах. Но неопровержимых доказательств не было. Никто не смог отследить путь немецких денег на счета большевиков и доказать прямую связь между Лениным и Парвусом [Мерридейл, 2021, с. 284]. Следователи Керенского не опубликовали полностью перехваченные телеграммы и другие материалы, а после ленинского путча в октябре 1917 г. советское правительство надежно их спрятало.

Тем не менее К. Мерридейл приходит к выводу, что нет сомнений – «Германия направляла в Россию гигантские потоки денег. Только 3 апреля 1917 г. министерство иностранных дел выделило на пропагандистские цели 5 млн рейхсмарок. Большую часть суммы получил, по всей вероятности, Парвус (который крайне неохотно выдавал расписки)» [там же, с. 286–287]. Публично Ленин избегал контактов с Парвусом и клеймил его как предателя и пешку в руках немцев, но за кулисами поддерживал с ним связь: Ленину нужны были деньги на масштабную революционную деятельность, и Парвус знал, где эти средства добыть. Благодаря связям в германском Министерстве иностранных дел он, по словам его биографов, «мог оказать большевикам огромную поддержку в предстоящей борьбе за политическую власть в России. Радек же [близкий Ленину] был уполномочен принять предложение <...> такая сделка была заключена 13 апреля [1917] в Стокгольме» [Zeman, Scharlau, 1965, p. 217]. Но Ленин это упорно отрицал [Мерридейл, 2021, с. 305]. Известно, что после публикации Лениным

7 (20) апреля 1917 г. «Апрельских тезисов» в газете «Правда», 8 (21) апреля барон фон Грюнау, отвечающий за связи германского министерства иностранных дел с императорским двором, передал коллегам записку из офиса политического отдела Генштаба в Стокгольме, т.е. от людей, контролирующих шпионов: «Внедрение Ленина в Россию следует признать успешным. Он работает там именно так, как нам желательно» [Germany and the Revolution ..., 1958, p. 51].

Переправа Ленина в Россию была крайне рискованной игрой, а расходы (особенно с учетом appetites Парвуса) – из ряда вон выходящими. Но чиновники из германского МИДа считали, что они преуспели, о чем свидетельствовал удавшийся большевистский переворот; статс-секретарь (министр иностранных дел) Рихард фон Кюльман писал об этом в Генштаб и видел главную цель – в обеспечении дальнейшей поддержки Ленина и его людей в период подготовки сепаратного мира (Мерридейл приводит письмо Кюльмана, с. 289–290). Но по каким именно каналам немецкие деньги текли на Восток, до сих пор остается загадкой.

К. Мерридейл отмечает, что и Антанта тратила большие суммы на поддержку военной активности России и подкуп влиятельных лиц [Мерридейл, 2021, с. 288]. Но невзирая на реальную кризисную ситуацию, советы своих агентов, командование Франции и Британии неуклонно заставляло Россию сохранять свои обязательства перед Антантой. У Артура Рэнсома эта политика вызывала отвращение. В июле 1917 г., после июньского поражения русских войск, он написал матери, что Англия смотрит на Россию, «как человек на какой-нибудь износившийся инструмент» – с самоубийственным бессердечием: «Почему-то в Англии война не приносит каждому – мужчине, женщине или ребенку – постоянное неизбывное страдание, как людям в континентальных странах, особенно в России. У нас не видят на улицах вместо лошадей обтянутые кожей скелеты...» [там же, с. 293]. В сущности, как с горечью пишет К. Мерридейл, в 1917 г. планы всех иностранных участников русской трагедии провалились, при этом европейские державы умудрились уничтожить первый и последний шанс на создание и развитие свободной российской демократии [Мерридейл, 2021, с. 301].

А в России трагедия развивалась своим ходом. Как и любого диктатора (о чем свидетельствует история), не пощадила она и Ленина. По мнению историка Саймона Себага-Монтефиоре, Ленин всегда был в России чужестранцем, но когда он вернулся из Швейцарии, это был «не тот Ленин, что отправился в ссылку десять лет назад: он стал злее, безжалостнее, нетерпеливее. Если он и не был столь же злопамятен, как Сталин, он все равно походил на Сталина больше, чем благостный отеческий образ, рожденный позднее советской пропагандой. <...> Они происходили из разных миров – один имел манеры дворянина, другой – крестьянина, но одинаково мыслили и действовали одними методами» [Себаг-Монтефиоре, 2014, с. 376]. Ленин, с одной стороны, как и другие партийцы, недооценивал Сталина, но со временем, особенно с прогрессом болезни, у него росло не менее важное для него сомнение, смогут ли его товарищи продолжить его курс на поддержание масштабов внутренних репрессий [Сервис, 2002, с. 522]. Несмотря на свои наметившиеся расхождения со Сталиным, в апреле 1922 г. по настоянию Сталина он назначил его Генеральным секретарем партии. О. Файджес считает это, вероятно, самой большой ошибкой в истории революции. Хотя казалось, это формальная должность, тем не менее она позволила Сталину распространить свое влияние на регионы, где прежде его почти не знали. Оргбюро и Секретариат, руководимые Сталиным, назначили 10 тыс. провинциальных партчиновников, и они следовали не за «интеллектуалами – Троцким и Бухариным», а за Сталиным, его «практической мудростью» [Figes, 2014, p. 133]. Используя свое положение Генерального секретаря, Сталин контролировал докторов Ленина, ограничил доступ посетителей к нему в Горках, площадной бранью оскорблял Крупскую, пытавшуюся сопротивляться этому режиму, а больной Ленин ничего не мог сделать. Главные секретари Ленина – Надежда Аллилуева (жена Сталина) и Лидия Фотиева – обо всем докладывали Сталину. Ограниченному креслу Ленину позволили диктовать «от 5 до 10 минут в день» [ibid., p. 134]: он стал узником. Скончался Ленин 21 января 1924 г. в Горках. Официальный диагноз – удар, кровоизлияние в мозг – варьируется. По мнению Х. Раппапорт, причиной смерти был сифилис [Rapport, 2009].

Срочная «мавзолеизация» объяснялась непрочностью положения Политбюро, Ленин был наиболее популярным его членом. Его Декрет о земле 1917 г. и нэп 1921 г. были восторженно восприняты большинством населения страны. Члены Политбюро стремились использовать для себя эту ауру всеобщего почитания. Кроме того, сохранение мощей святых вписывалось в русло национальных религиозных традиций [Сервис, 2002, с. 548]. Ленин хотел, чтобы его похоронили рядом с матерью на Волковском кладбище в Петрограде [там же, с. 549; Figes, 2014, p. 139]. Крупская отчаянно выступала против балзамирования и мавзолеизации. Но Сталин ее не слушал. В результате ее и сестер Ленина, Анну и Марию, объявили «верховными жрицами культа Ленина», а «верховным жрецом» – Сталина [Сервис, 2002, с. 550].

В августе 1924 г. на Красной площади для публики был открыт деревянный мавзолей, потом его заменили на гранитный. Памела Трэверс описала свое посещение «кремлевской гробницы» в 1932 г.: «Вместе с гидом мы пристроились в хвосте очереди; замотанные в платки люди держались необыкновенно тихо: не просто не разговаривали, а были исполнены какого-то внутреннего молчания. Постояв рядом с ними, вы начинаете понимать, какого мистического смысла исполнено для них это посещение, и почти готовы разделить их чувства. Вам тоже хочется испытать восхищенный трепет перед этим умершим, но живым божеством. От входа вниз ведут ступени, освещенные красноватым электрическим светом. <...> Здесь сделано все возможное для достижения максимального драматического эффекта. Толпа в молчании проходит мимо неподвижной маленькой фигурки, лежащей на красных подушках под стеклянным саркофагом. Жалкое зрелище вызывает сострадание: брэнное тело, сохраняемое вопреки воле покойного и вопреки всем законам. Это не смерть, ведь смерть – быстрая и немедленная. Это – ничто. Безоговорочный материализм Советского государства достиг здесь своего абсолюта. Подобная пустота не способна вызвать никаких чувств – разве что гнев на тех, кто обманом лишил тело великого человека возможности быть преданным земле и превратил его в фетиш, на который глазят туристы и молятся крестьяне <...> в этой обители фальшивой героики и поддельной смерти» [Трэверс, 2017, с. 115–116].

Широко известный на Западе как журналист, писатель, литературовед, культуролог Малкольм Маггеридж (1903–1990), с юности увлекавшийся социалистическими идеями и работавший в Москве в течение восьми месяцев с сентября 1932 г. корреспондентом британской газеты «Манчестер Гардиан», в 1934 г. издал в Лондоне роман «Зима в Москве», где его автобиографический персонаж – Рейзби – прежде всего приходит в Мавзолей, надеясь найти в нем подлинную Россию. Голова вождя «внутри стеклянного футляра» выглядела «свежей и живой, как гриб, растущий в темноте <...> мягкий и ядовитый. <...> Из всех символов, когда-либо созданных, чтобы пугать и вдохновлять, этот маленький забальзамированный человек показался Рейзби самым отвратительным. Даже забальзамированные тела фараонов были запрятаны и смотреть на них считалось преступлением. <...> Живой Ленин был на самом деле мертвым Лениным, забальзамированным, причесанным и наманикюренным» [Muggeridge, 1934, p. 227–228].

Таким образом, забальзамированный Ленин на многих, тем более европейцев, производил негативное впечатление. Его, атеиста, православного по воспитанию, подвергли чуждому ему обряду забальзамирования. Более того, поступило негласное указание: биографию Ленина составлять в традициях церковно-житийной литературы и придать ему мифический статус всеведущего революционного святого, единственного великого наследника Маркса и Энгельса в первой четверти XX в. Возник квазирелигиозный миф [Сервис, 2002, с. 551–552]. «Культ Ленина был неприкрытым обманом. <...> “Дедушка Ленин” послал на смерть десятки тысяч человек. Созданная им система была удушающей, жестокой и бесплодной; в этой мастерской ковалась тирания, которая продлится несколько десятилетий. <...> Его гробница была оскорблением для бесчисленных тел погибших по вине Ленина, и не было никакого оправдания почетному сохранению его останков, кроме, быть может, возможности продемонстрировать, что монстр <...> мертв» [Мерридейл, 2021, с. 316–317].

Позднее Сталин запустил в обращение миф о том, что он – это «Ленин наших дней» [Сервис, 2002, с. 553]. Низвергнув Сталина с пьедестала, Хрущев посчитал себя обязанным еще выше поднять знамя ленинизма [Сервис, 2002, с. 558]. Созданное Лениным в 1917–

1919 гг. государство – с монополизированной и централизованной политикой, с подчиненным партии аппаратом принуждения, национализированной контролируемой государством экономикой – просуществовало более 70 лет [там же, с. 559] – его уже вроде бы и нет. А бальзамированный Ленин – «Ленин – Бог» [Figes, 2014, p. 139] – продолжает лежать на всеобщем обозрении в мавзолее. И тут невольно задумаешься о личной трагедии этого человека. Ведь уже более девяноста лет его тело насильственно подвергают «техническому обслуживанию»: «Обнаженный труп, тут и там покрытый восковыми пятнами, <...> погружается в серию химических ванн – и каждая последующая наполнена все более зловещим консервирующим коктейлем. Затем на труп натягивается новая резиновая оболочка, удерживающая бальзамирующую жидкость. Теперь можно пригласить портных – пора снимать мерки» [Мерридейл, 2021, с. 321]. И любой человек, сохраняющий в себе ядро человечности, и тем более верующий в Бога, не может не подумать о том, что каким бы страшным ни был этот грешник, ему давно пора найти упокоение, как всякому смертному и быть похороненным там, где он хотел. А когда-то много лет назад, в 1970-е годы, Ольга Седакова, замечательный российский поэт и не менее замечательный филолог, занимавшаяся изучением поверий древних восточных славян, сказала мне, что согласно этим повериям, пока незахороненный труп лежит в селении, в нем не будет покоя и благоденствия.

Список литературы

- Мерридейл К.* Ленин в поезде / пер. с англ. А. Турова. – Москва : АСТ : Corpus, 2021. – 384 с.
- Рассел Б.* Практика и теория большевизма / пер. с англ. И.Ю. Воробьевой [и др.]. – Москва : Наука, 1991. – 126 с. – URL: http://www.antimilitary.narod.ru/antology/russel/russel_bolshevism.htm
- Себаг-Монтефиоре С.* Молодой Сталин / пер. с англ. Оборина Л. – Москва : АСТ ; CORPUS, 2014. – 575 с.
- Сервис Р.* Ленин / пер. Г.И. Левитан. – Минск : Попурри, 2002. – 624 с.
- Стоппард Т.* Травести. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=113107>
- Трэверс П.Л.* Московская экскурсия / пер. с англ. О. Мязотс. – Санкт-Петербург : Лимбус пресс, 2017. – 287 с.

- Уэллс Г. Россия во мгле / пер. с англ. В. Хинкиса ; сост., автор предисл. Ю.А. Кагарлицкий. – Москва : Прогресс, 1970. – 234 с.
- Churchill W. Bolshevism and imperial sedition, 1920. – URL: <https://www.nationalchurchillmuseum.org/bolshevism-and-imperial-sedition.html>
- Figes O. Revolutionary Russia, 1891–1991. – London : Pelican, 2014. – 496 p.
- Flood A. Unpublished Auden poems surface in film archive // The Guardian. – London, 2009. – 22 May. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2009/may/22/unpublished-auden-poems-film-archive>
- Gerhardie W. Memoirs of a polyglot. – London : Robin Clark, 1990. – 381 p.
- Germany and the Revolution of Russia 1915–1918 : Documents from the archive of the German Foreign Ministry / Ed. by Zeman Z.A.B. – London : Oxford Univ. press, 1958. – 180 p.
- Great destiny: Sixty years of the memorable events in the life of the man of the century recounted in his own incomparable words / Ed. by Heath F.W. – New York : G.P., 1965. – 720 p.
- Jones G. The Two Russias – Fanaticism and Disillusion // The Times. – London, 1930. – October 14. – URL: https://www.garethjones.org/soviet_articles/fanaticism_discontent.htm
- Jones G. Lenin's Widow Talks to a Welshman // The Western Mail. – Cardiff, 1932. – November 7th.
- Mendelson E. Early Auden, later Auden. – Princeton : Princeton Univ. press, 2017. – 912 p.
- Muggeridge M. Winter in Moscow. – London : Eyre and Spottiswoode, 1934. – 252 p.
- Ransome A. Lenin in 1919 // Williams A.R. Lenin. The Man and his work. – New York : Scott and Seltzer, 1919. – P. 167–190.
- Rappaport H. Conspirator: Lenin in exile. – London : Hutchinson, 2009. – 373 p.
- Robert Conquest. Quotes. – URL: <https://www.goodreads.com/quotes/265788-there-was-an-old-bastard-named-lenin-who-did-two>
- Russell B. Wisdom of the West. A Historical survey of Western philosophy in its social and political setting / Ed. by Foulkes. – London : Crescent books, 1959. – 319 p.
- Zeman Z.A.B, Scharlau W.B. The Merchant of Revolution: The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus), 1867–1924. – London ; New York a.o. : Oxford Univ. press, 1965. – 306 p.

References

- Merridale, C. (2021). *Lenin v poezde* [Lenin on the train], Turov A. (transl. from English). Moscow : AST : Corpus. (In Russ.)
- Russell, B. (1991). *Praktika and teoriya bolshevisma* [Practice and theory of bolshevism]. Vorobiova I. Iu. a.o. (transl. from English). Moscow : Nauka. (In Russ.). URL: http://www.antimilitary.narod.ru/antology/russel/russel_bolshevism.htm
- Sebag-Montefiore, S. (2014). *Molodoy Stalin* [Young Stalin], Oborin L. (transl. from English). Moscow : AST : Corpus. (In Russ.)

- Service, R. (2002). *Lenin*. [Lenin], Levitan G.I. (transl. from English). Minsk : Popurri. (In Russ.)
- Stoppard, T. (1974). *Travesti* [Travesties]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=113107> (In Russ.).
- Travers, P.L. (2017). *Moskovskaya ekskursiya* [Moscow excursion], O. Myaeots (transl. from English). Saint Petersburg : Limbus press. (In Russ.)
- Wells, H. (1970). *Rossia vo mgle* [Russia in the shadows], Hinkis V. (transl. from English), Kagarlickij U.A. (author of the preface). Moscow : Progress. (In Russ.)
- Churchill, W. (1920). *Bolshevism and imperial sedition*. URL: <https://www.nationalchurchillmuseum.org/bolshevism-and-imperial-sedition.html>
- Figes, O. (2014). *Revolutionary Russia, 1891–1991*. London : Pelican.
- Flood, A. (2009, 22 May). Unpublished Auden poems surface in film archive. In *The Guardian*. London. URL: <https://www.theguardian.com/books/2009/may/22/unpublished-auden-poems-film-archive>
- Gerhardie, W. (1990). *Memoirs of a polyglot*. London : Robin Clark.
- Zeman, Z.A.B. (ed.) (1958). *Germany and the Revolution of Russia 1915–1918: Documents of from the archive of the German Foreign Ministry*. London : Oxford Univ. press.
- Heath, F.W. (ed.) (1965). *Great destiny: Sixty years of the memorable events in the life of the man of the century recounted in his own incomparable words*. New York : G.P. Jones, G. (1930, October 14). The Two Russias – Fanaticism and Disillusion. In *The Times*, London. URL: https://www.garethjones.org/soviet_articles/fanaticism_discontent.htm.
- Jones, G. (1932. November 7th). Lenin's Widow Talks to a Welshman. In *The Western Mail*. Cardiff.
- Mendelson, E. (2017). *Early Auden, later Auden*. Princeton : Univ. press.
- Muggeridge, M. (1934). *Winter in Moscow*. London : Eyre and Spottiswoode.
- Ransome, A. (1919). Lenin in 1919. In Williams A.R. *Lenin. The Man and his work*, (pp. 167–190). New York : Scott and Seltzer.
- Rappaport, H. (2009). *Conspirator: Lenin in exile*. – London : Hutchinson.
- Robert Conquest quotes*. URL: <https://www.goodreads.com/quotes/265788-there-was-an-old-bastard-named-lenin-who-did-two>]
- Russell, B. (1959). *Wisdom of the West. A Historical survey of Western philosophy in its social and political setting*. Foulkes (ed.). London : Crescent books.
- Zeman, Z.A.B, Scharlau, W.B. (1965). *The Merchant of Revolution: The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus), 1867–1924*. London ; New York a.o : Oxford Univ. press.